

А. В. Ганин

«ПРИЗНАКИ “ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ”
ПОЧТИ ИСЧЕЗЛИ...»
ОБСЛЕДОВАНИЕ И ЧИСТКА
ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ РККА В 1922 г.

Становление советской военной системы, порожденной Гражданской войной, по-прежнему остается малоизученным вопросом новейшей отечественной истории. Среди тех сюжетов, которые пока в недостаточной степени привлекали внимание исследователей, отдельно стоит вопрос о формировании новой советской военной элиты из партийных кадров, предназначавшейся на смену чуждым большевикам беспартийным военспецам.

Процесс создания такой элиты протекал непросто. Не всегда те, кто намечался на высокие посты, оправдывали возлагавшиеся на них ожидания партийного руководства. В некоторых случаях близость к власти и определенная привилегированность вели к развитию комчванства (коммунистического чванства) — высокомерию и зазнайству, презрительному отношению к остальным. При этом в 1920-е гг. Красная армия в немалой степени продолжала опираться на бывших офицеров. Многие из них блестяще зарекомендовали себя в Гражданскую войну и могли рассчитывать на уважение к своим заслугам и карьерный рост, даже не будучи партийными. Тем не менее, разнородность состава РККА таила в себе серьезные противоречия. Руководители РКП (б) должны были заниматься сглаживанием конфликтов, а порой даже одергивать зарвавшихся. Именно такие процессы происходили в 1922 г. в «кузнице кадров» советской военной элиты — Военной академии РККА.

Еще 29 декабря 1921 г. на заседании Реввоенсовета республики (РВСР) в связи с вопросом о Военной академии постановили, что «всемерно нужно, особенно при нынешней постановке вопроса о членстве в партии, бороться против опасности создания внутренней замкнутой коммунистической военной касты, которая внутри себя развивает принципы военного местничества. С другой стороны, всемерно нужно бороться за то, чтобы непартийные, но на опыте Гражданской войны показавшие свою преданность и верность Рабоче-Крестьянской Красной армии и революции элементы, не чувствовали бы себя в армии изгоями и не вынуждались против своего прежнего воспитания и интереса входить в партию»¹.

Конфликты среди слушателей академии возникали как из-за различного статуса и мировоззрения бывших офицеров, унтер-офицеров, солдат и рабочих, оказавшихся в стенах этого военно-учебного заведения, так и по политическим причинам. Академия (до 1921 г. — академия Генерального штаба РККА) являлась детищем председателя РВСР Л. Д. Троцкого, активно участвовавшего в ее создании в конце 1918 г., находилась на виду и под особым контролем партийного руководства. Нараставшая конфронтационность и непомерный рост амбиций слушателей вызвали тревогу в ЦК РКП (б), поскольку именно выпускники академии должны были стать элитой командного состава Красной армии.

23 мая 1922 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП (б) по предложению Троцкого было принято решение обследовать внутреннюю жизнь академии Генерального штаба РККА для чего создали специальную комиссию. Срок работы комиссии определялся в две недели. Состав: заведующий агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП (б) А. С. Бубнов, член Центральной контрольной комиссии РКП (б) (ЦКК) и Верховного суда РСФСР А. А. Сольц²

---

¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

² В связи с тем, что в делопроизводстве того периода инициалы, как правило, опускались, ранее членство в комиссии ошибочно приписывалось члену Туркестанского бюро ЦК РКП (б) И. Г. Сольцу. См., напр., официальную ведомственную историю академии советского периода (Академия имени М. В. Фрунзе. М., 1973. С. 55). До знакомства с материалами обследования академии такую же неточность воспроизвел и автор этих строк (Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 78; *Он же*. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 502). Однако в материалах обследования академии удалось обнаружить автограф Сольца с указанием имени (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 132).

и заместитель народного комиссара внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов. Созыв должен был обеспечить Бубнов³. Следует отметить, что ЦКК, которую представлял Сольц, занималась борьбой с нарушениями дисциплины и моральным разложением в рядах РКП (б), одновременно служа инструментом борьбы с оппозиционными течениями и группировками в партийной среде⁴.

Накануне заседания Оргбюро, 22 мая 1922 г., Троцкий писал в секретариат ЦК И. В. Сталину: «Во фракции Военной академии неблагополучно. Там больше, чем где бы то ни было, коммунистического бахвальства и местничества. Фракция пыталась одно время закрыть совершенно доступ некоммунистическим элементам в академию. Если принять во внимание, что доступ в партию теперь крайне затруднен, то, очевидно, что такой режим ни в каком случае не отвечал бы интересам дела. Далеко не все коммунисты серьезно работают — отчасти вследствие довольно трудных все же материальных условий, отчасти вследствие недостаточной своей пригодности для работы в академии. На этой почве во фракции идут непрерывные трения и внутренняя борьба, приводящие время от времени к острым конфликтам и трагическим эпизодам. Я думаю, что Центральному Комитету следовало бы создать партийную комиссию, скажем, тройку, для внимательного обследования внутренней жизни фракции, взяв за исходную точку самоубийство Лебедева. Ввиду сложности переплетающихся во фракции тенденций и настроений крайне важно, чтобы во главе обследования стоял товарищ, пользующийся партийным авторитетом и знающий военное дело. О решении секретариата или Оргбюро прошу меня уведомить»⁵.

Поводом для обследования послужило самоубийство слушателя дополнительного курса академии Л. В. Лебедева (1889–1922), застрелившегося в воскресенье 15 мая 1922 г. Лебедев намечался на пост советского военного агента в Ангаре (Анкаре, Турция) и буквально 17 мая должен был отправиться к месту назначения. Как выяснилось, самоубийца пребывал в тяжелой депрессии, не считая себя достойным назначения. В предсмертной записке своему товарищу М. Б. Рымшану он писал: «Дорогой Миша,

---

³ Там же. Л. 6.

⁴ Подробнее см.: *Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП (б), 1923–1924 годы.* СПб., 2017. С. 176–177.

⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 7.

Прости за хлопоты, которые я тебе причиняю своей смертью. Жить больше не могу, так как чувствую себя сорной травой на ниве коммунизма; я слишком безволен и пассивен, чтобы быть борцом, а не быть сейчас борцом, значит, путаться в ногах и мешать; особенно ясно я осознал это сейчас в связи со своим назначением. Знай, что я его не достоин и с ним не справлюсь, а отказаться не хватает решимости. Мой последний привет всем друзьям. Будь другом, исполни последнюю просьбу — из денег, которые будут найдены при мне, сорок два миллиона надо отдать в Разведупр, а эти, что у Ицковского (одиннадцать миллионов) перешли, пожалуйста, матери, Ираиде Андреевне Лебедевой. Ильинцы Киевской губернии, Липовецкая улица, Капельный дом.

Страшно грустно, что не удалось ее увидеть еще раз. Сейчас вижу ее перед собой; прости за меня мам. Л. Прочеть в случае моей смерти»⁶.

18 мая о причинах инцидента начальник Разведупра РККА А. Я. Зейбот рапортовал заместителю Троцкого Э. М. Склянскому, отметив, что «одним из поводов к такому состоянию и поступку являлись разговоры и толки в академии после его назначения о том, что он раньше был кадетом, что Разведупр сделал весьма плохой выбор и т. д., которые на него оказали весьма сильное впечатление. Хотя от Разведупра ему и было сообщено, что мы не придаем этим разговорам никакого значения, все-таки он подал по этому вопросу заявление в бюро ячейки»⁷. Именно Зейбот предложил вынести решение по поводу случившегося авторитетной партийной тройке. Склянский, очевидно, доложил о случившемся Троцкому.

Комиссия начала работу 29 мая. Работа велась аппаратом агитпропа ЦК, предварительную работу получили тов. Мороз. В протоколе № 1 отмечалось, что задача комиссии «выяснить всю атмосферу в Генштабе, настроения во фракции [коммунистов]»⁸. Таким образом, материалы комиссии представляют собой важнейший источник о состоянии академии в то время.

31 мая в протоколе № 2 отмечалось наличие в академии ряда внутрипартийных группировок, в связи с чем были намечены для опроса 24 человека. Ставилась задача выяснить внутреннее состояние фракции (ячейки) РКП (б) академии, материальное положение

---

⁶ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 12.

академии и постановку учебного процесса⁹. В дальнейшем список опрашиваемых расширился. В него включили начальника академии А. И. Геккера и его помощника Л. Ф. Печерского. Желательными признавались опросы бывшего начальника академии М. Н. Тухачевского и бывшего комиссара В. Н. Максимовского.

Вопросы по учебной части должны были разъяснить преподаватели А. И. Верховский, А. М. Зайончковский, С. Г. Лукирский, В. Ф. и Ф. Ф. Новицкие, А. А. Свечин, А. Е. Снесарев, а также руководство академии¹⁰. Задавались следующие вопросы, составленные к 8 июня: «Прошу Вас изложить: 1) Ваше мнение о постановке учебного дела в Военной академии; 2) Вашу оценку подготовленности наличного состава слушателей к прохождению курса академии; 3) Вашу оценку и степени успешности слушателей в прохождении курса военных наук; 4) Вашу характеристику отношения слушателей к теоретическим и практическим занятиям в Военной академии»¹¹. Ответы в запечатанных конвертах подлежали передаче помощнику начальника академии Л. Ф. Печерскому для комиссии. Требовалось разобраться и с работой самостоятельных органов академии — бюро фракции РКП (б), клуба и военно-научного общества.

Начальник академии А. И. Геккер отметил «несомненное влияние каждого вновь избранного бюро фракции РКП на учебную жизнь академии... Каждое бюро, влияя через органы самостоятельности на учебную жизнь, видоизменяло¹² и ее, удовлетворяя чаяниям только одной группы слушателей и вызывая протесты других лиц»¹³. По оценке Геккера, «неудовлетворенные учебной жизнью слушатели... начинают изыскивать способы улучшения ведения занятий, что вызывает бесчисленное количество разнородных проектов... Отсюда группировки и группировочки по учебным вопросам, отсюда антагонизм, во-первых, между самими слушателями, во-вторых, между слушателями и преподавателями, и, наконец, между слушателями и администрацией»¹⁴. Начальник академии считал, что «поступающим в академию предъявляли достаточно высокие требования по военному и партийному стажу, но лишь на бумаге, на деле же допусkaliсь всевозможные, не знающие пре-

---

⁹ Там же. Л. 13.

¹⁰ Там же. Л. 14.

¹¹ Там же. Л. 57, 71.

¹² В документе — видоизменяя.

¹³ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 50.

¹⁴ Там же.

делов исключения и отступления вплоть до того, что в число слушателей попали лица без всякого командного и комиссарского стажа, с малым общеполитическим и военным образованием и пр[очее]. В результате такого сумбурного способа комплектования получился чрезвычайно разнородный состав слушателей... Число принимаемых не сообразовалось с наличием материальных и преподавательских ресурсов... Число слушателей 794, а вместе с состоящими на их иждивении трудоспособными и нетрудоспособными членами¹⁵ семей достигает 1700 человек... Академия по составу слушателей достигла таких громадных размеров, которые исключают всякую возможность подыскивания руководителей прак[ических] работ одинакового уровня и квалификации... При «разнородном составе» руководителями прак[ических] работ, преподавателям и профессуре затруднительно в своей работе приравниваться даже к относительному большинству... Отсюда разочарованность в академии..., упадок учебной дисциплины, малая успешность в учебной работе... Я категорически утверждаю, что при наличном составе профессуры, при наличии большого опыта 4-х летней работы и при нормальных условиях работы не представляется никаких затруднений к составлению необходимого плана учебных занятий следующего года и проведению его в жизнь, причем учебная постановка будет удовлетворять всем требованиям современного развития военного дела»¹⁶.

Помощник начальника академии Л. Ф. Печерский сообщил, что «постановку учебного дела в академии считать вполне удовлетворительной нельзя... В среднем подготовка слушателей слабая. Незначительная часть, безусловно, подготовлена. Около, скажем, 1/3 усваивает курс, а остальные безусловно слабы. Меньшая часть работает успешно, большая — неуспешно... Середина, мало подготовленная, работает из-под палки и пользуется всяким поводом, чтобы увильнуть от того или другого: часть просто небрежно относится к делу»¹⁷.

Профессора академии не скрывали недостатки. По мнению А. И. Верховского, «работа слушателей направлена в данное время преимущественно на выработку практических навыков... Историческая и самостоятельная работа в новой академии отодвинута на вто-

¹⁵ В документе — трудоспособных и нетрудоспособных членов.

¹⁶ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 50–51.

¹⁷ Там же. Л. 51.

рой план»¹⁸. «Подготовка слушателей меня не радует. Если $\frac{1}{3}$ по уровню своего развития стоит выше уровня старой В[оенной] академии, еще $\frac{1}{3}$ при большом старании сможет быть полезной, то последняя $\frac{1}{3}$ при самой настойчивой работе не в состоянии овладеть академическими курсами»¹⁹, — заявлял он. Верховский свидетельствовал: «По своему предмету²⁰ я должен отметить в общем большое старание и внимательное отношение слушателей, но того, что нужнее всего, — самостоятельной работы, — я почти не видел»²¹. «Должен отметить также известное утомление и небрежность, которую часть слушателей проявляют к работе. Объясняю себе это еще не вполне наладившимся военным укладом работы... а также — и это главное — систематическим недоеданием слушателей и бедственным их материальным положением, особенно семейных»²².

А. М. Зайончковский отметил: «Постановку учебного дела признаю еще не удовлетворительной, но сделавшей большие шаги к удучшению и поставленной двумя последними начальниками академии на правильные рельсы»²³. По оценке Зайончковского, «подготовка наличного состава слушателей к прохождению истинного академического курса неудовлетворительна... десятки из них вполне годны для слушания высш [его] учебного заведения, но масса — нет»²⁴. «Успешность слушателей в прохождении курса не признаю достаточной. Среди них я вижу очень мало готовых генштабистов», — резюмировал бывший генерал²⁵. «У них нет дисциплинной работы и дисциплинного учения, что так необходимо генштабистам, что так высоко поставило герман[ский] Генштаб... Военная игра мне показала, что часть слушателей отбывает только досадный номер»²⁶.

С. Г. Лукирский считал, что «в отношении “методов преподавания” и “учебных программ” академия наших дней значительно превосходит старую... “Наибольшим злом в учебной жизни академии” является “так называемый учком”, представители которого

---

¹⁸ Там же. Л. 52.

¹⁹ Там же. Л. 53.

²⁰ Курс общей тактики.

²¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 54.

²² Там же. Л. 55.

²³ Там же. Л. 52.

²⁴ Там же. Л. 53.

²⁵ Там же. Л. 54.

²⁶ Там же. Л. 55.

“выдвигали незрелые сумбурные проекты, пламенно их отстаивая и предвзято опорочивая установленное²⁷ в академии”²⁸. По оценке этого военного специалиста, «степень подготовленности слушателей к прохождению академического курса весьма разнообразна, пестра»²⁹, то же касалось и вопроса о прохождении наук, причем подготовка «тормозится недопустимо частым отвлечением многих слушателей сторонней работой»³⁰. «Отношение слушателей к теоретическим и практическим занятиям часто неудовлетворительное... Должного радения к занятиям нет»³¹.

А. А. Свечин указал, что «постановка учебного дела в академии, несмотря на частую ломку учебных планов, отрицательно отзывающуюся на обучении слушателей, постепенно улучшается... Преподавательский персонал безмерно численен, слишком пестр по составу... Работа преподавателей имеет почти исключительно учебный, но не научный характер... Академия не выполняет “важной части учебной работы — отбора неуспевающих слушателей”... Учебное дело в академии серьезно страдает от отсутствия учебников, сколько-нибудь отвечающих современным требованиям»³². «Подготовка эта в общем еще не высока, масса поступающих имеет в отношении развития весьма пестрый характер»³³. « $\frac{1}{3}$ слушателей усваивает очень хорошо, $\frac{1}{3}$ на II разряд, $\frac{1}{3}$ — балласт в академии. Дополнительный курс, оканчивающий в этом году, не имеет никакой подготовки по военной статистике и географии и совершенно не справляется с анализом, даже описанием района военных действий»³⁴, — полагал он. «Младший курс относится с большим вниманием к теоретическим и практическим занятиям, чем старший курс... на дополнительном курсе работа особенно расстраивается... К летним занятиям отношение недостаточно серьезное»³⁵.

По словам А. Е. Снесарева, «учебное дело академии находится в трудном и шатком, а потому и не совершенном состоянии»³⁶.

---

²⁷ В документе — установленной.

²⁸ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 52

²⁹ Там же. Л. 53.

³⁰ Там же. Л. 54.

³¹ Там же. Л. 55.

³² Там же. Л. 52–53.

³³ Там же. Л. 53.

³⁴ Там же. Л. 54.

³⁵ Там же. Л. 55.

³⁶ Там же. Л. 53.

Основной причиной Снесарев считал отсутствие во главе академии «правомочной конференции рационального состава, председательствуемой начальником академии»³⁷. Снесарев отмечал: «Подготовка слабая. Официально повышенная программа прием[ных] испытаний фактически не осуществляется»³⁸. Степень успеваемости он считал низкой, «особенно не вижу навыков в точности, ясности и своевременности выполнения работ»³⁹. «Отношение слушателей к занятиям пестрое, но скорее небрежное, чем устойчиво старательное»⁴⁰. Снесарев завершил свою записку следующим выводом: «Лечение одно: в академии нужно заниматься только военным делом — одни ему учат, другие ему учатся, и лишь на этом базисе должна быть построена вся канва научно-практической работы и взаимоотношений. Политика должна проходиться и преподаваться вне академии: по районам или где там нужно»⁴¹.

В. Ф. Новицкий считал, что «учебное дело в академии поставлено во многих отношениях неправильно ... что, объясняется, главным образом, двоевластием в этом деле: с одной стороны, начальник академии с учебным отделом, с другой стороны — бюро фракции РКП с учебной комиссией слушателей... Следует учебную комиссию слушателей упразднить... Вместе с тем желательно восстановить конференцию как орган, отражающий в себе взгляды и опыт профессуры»⁴². «Средний уровень подготовленности слушателей — ниже нормального и не соответствует характеру преподаваемых в академии предметов. С каждым годом этот средний уровень понижается, по мере того, как истощается запас бывш [их] офицеров старой армии»⁴³, — отметил он. Характерно и другое высказывание: «В прохождении курса слушатели, в среднем, дают малую успешность... Гораздо более многочисленны те, которые не в силах одолеть даже простейших понятий в рамках программы»⁴⁴. «Как общее правило слушатели относятся небрежно к занятиям в академии... В некоторых из этих упущений виноваты сами слушатели (лень, отсутствие интереса к делу и т. п.), но в дру-

---

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 54.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 55.

⁴¹ Там же. Л. 55–56.

⁴² Там же. Л. 53.

⁴³ Там же. Л. 54.

⁴⁴ Там же.

гих вина д[олжна] б[ыть] отнесена на долю ненормальных условий теперешней жизни»⁴⁵.

Его брат Ф. Ф. Новицкий, наоборот, считал, что «поставлено учебное дело достаточно серьезно»⁴⁶, но «состав слушателей по своей подготовке чрезвычайно разнообразен»⁴⁷. «При отсутствии всего указанного (весьма строгая оценка знаний, введение большой системы, конкретные испытания и т. д.) значительная доля слушателей относится к делу часто формально»⁴⁸.

Общим выводом из оценок профессуры стало то, что при всех сложностях учебное дело постепенно налаживалось и улучшалось, но почти всеми так или иначе было отмечено негативное влияние вмешательства учкома слушателей в учебный процесс. Подготовленность слушателей признавалась неудовлетворительной. Почти все профессора посчитали, что значительная часть слушателей по своему развитию, несмотря на старание, просто не в состоянии усвоить программу.

В ходе работы комиссии не только опрашивались сотрудники и слушатели академии, но и собирались отзывы со стороны. Так, в письме начальника Штаба РККА П. П. Лебедева о первом выпуске академии отмечалось: «Начальники и комиссары нередко заявляют о неподготовленности красных генштабистов к практической работе, об их повышенном самомнении, карьеризме, казенном отношении к партийным обязанностям и оторванности от масс и, что всего хуже, о высокомерном отношении к товарищам и начальникам, не получившим высшего военного образования... Сама академия в этот период не могла еще твердо наладить своей работы, а ее слушатели, кроме того, постоянно отрывались от систематических занятий»⁴⁹.

Городской райком партии сообщал о фракции Военной академии: «Состав и политическая деятельность академии всегда обращали на себя внимание комитета.

Большинство фракции состояло из бывших офицеров (в том числе и кадровых), молодых членов партии, занимавших в Кр[асной] армии высокие командные посты и считавших себя авторите-

---

⁴⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 55.

⁴⁶ Там же. Л. 53.

⁴⁷ Там же. Л. 54.

⁴⁸ Там же. Л. 55.

⁴⁹ Там же. Л. 90.

тами не только в военном деле, но и в политике, претендуя на соответствующие посты в партии (примерно секретарей губкомов).

Отношение к руководящим органам партии было резко оппозиционным. Во время дискуссии о профсоюзах и партстроительстве фракция почти целиком принадлежала к т[ак] н[азываемой] “рабочей оппозиции”.

После X съезда значительная часть фракции оставалась в оппозиции общепартийной линии и руководящим органам партии (ЦК).

Райком имел сведения о тесной связи коммунистов академии с [В. Л.] Панюшкиным в период организации им т[ак] н[азываемой] “Р.К.С.П.”⁵⁰, после ареста Панюшкина связь с ним не порывалась. Отдельные товарищи вели разговоры о создании новой партии.

В общем и целом райком считает фракцию академии в высокой степени неустойчивой и в партийном отношении слабой»⁵¹.

Работа комиссии позволила собрать разнообразные статистические данные о слушателях. Общие статистические сведения о слушателях были следующими:⁵²

Таблица 1.
Статистические сведения о слушателях
Военной академии РККА

Показатели		Слушателей
Всего		722
Партийность	До Февральской революции	52
	До Октябрьской революции	103
	После Октябрьской революции	506
	Кандидат РКП (б)	29
	Беспартийные	32
Социальное положение	Рабочие	137
	Крестьяне	193
	Интеллигенция	393

⁵⁰ РКСП — Рабоче-крестьянская социалистическая партия. Создана в 1921 г. вышедшим из РКП (б) В. Л. Панюшкиным.

⁵¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 98.

⁵² Там же. Л. 61.

Строевой стаж в РККА	До комбата включительно	248
	Комполки	103
	Комбриги	61
	Начальники	20
	Командующие округом, армией	2
Штабной стаж в РККА	Штаб бригады	109
	Штаб дивизии	70
	Штаб округа и армии	22
	Военкомы	49
	Политработники	38

Таким образом, абсолютное большинство слушателей состояло в партии. Преобладал стаж после октября 1917 г. По социальному составу, несмотря на попытки расширить представительство рабочих и крестьян, преобладала интеллигенция.

Таблица 2
Статистические сведения о слушателях
Военной академии РККА по курсам

Показатели / курс	Подго- товит.	Млад- ший	Стар- ший	До- полн.	Всего
Рабочие	66	26	24	21	137
Крестьяне	60	37	55	41	193
Интеллигенция	9	154	65	164	393
До комбата вкл.	61	84	39	64	248
Комполки	27	27	23	26	103
Комбриги	6	23	14	18	61
Начальники	1	6	10	3	20
Командующие округом, армией		2			2
Опыт штаба бригады	4	17	31	57	109
Опыт штаба дивизии	7	16	13	34	70

Опыт штаба округа и армии	6	2	11	3	22
Военкомы	1	26	3	8	49
Политработники	11	14		13	38
Всего:	135	217	144	226	722

Вполне естественно, что наибольшее представительство рабоче-крестьянских кадров имелось на подготовительном курсе, специально для этого созданном. К нему в этом отношении примыкал старший курс. На младшем и дополнительном курсах с большим отрывом преобладали выходцы из интеллигенции. По служебному опыту в РККА в лучшую сторону выделялся дополнительный курс.

В отношении семейного положения слушателей выяснилось следующее:

Таблица 3
Семейное положение слушателей
Военной академии РККА (на 16 июня 1922 г.)⁵³

Курс	Холо- стых	На иж- дивении у холо- стых	Же- на- тых	На иж- див. у жена- тых	Всего слуша- телей	Всего на иж- диве- нии	Всего
Дополни- тельный	82	12	121	184	203	196	399
Старший	58	16	84	146	142	162	304
Младший	127	20	89	139	216	159	375
Подготови- тельный	57	6	64	106	121	112	233
Восточ- ный отдел (НКВД)	25	2	24	24	49	26	75
Высшая школа штаб- ной службы	27		12	17	39	17	56
Итого	376	56	384	616	770	672	1442

⁵³ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 62.

В бумагах комиссии содержится яркая характеристика поведения слушателей и исходившие из этого рекомендации: «В академии помимо материала слишком много занимаются политикой, мало учебой. Там значительное количество людей, особенно на Восточном факультете, пребывает из соображений ничего общего с приобретением знаний не имеющих. Необходима по сему чистка академии и значительное сокращение числа слушателей. Слушателей академии надо более или менее обеспечить, но лишить права работать в каких-либо учреждениях, ибо именно на этой почве большинство склок и недоразумений. Только одинаковый уровень жизни создаст нормальные условия работы, а для этого нужно довести число слушателей до такого уровня, чтобы мы в состоянии были обеспечить их существование. Необходимо⁵⁴ более или менее одинаковый уровень знаний, не слишком высокий, чтобы не закрыть доступ рабоче-крестьян [ским] элементам, но и не такой ничтожный, который давал бы возможность пробраться туда таким, пребывание которых в академии в смысле подготовки и приобретения знаний ни им, ни Красной армии ничего не даст»⁵⁵.

Материальное положение слушателей, в особенности семейных, оценивалось как тяжелое. Некоторые даже устраивались подрабатывать — охраняли магазины, склады, работали грузчиками, трудились на вокзалах. Нередко фиксировались случаи продажи обмундирования⁵⁶.

Параллельно шло расследование обстоятельств самоубийства слушателя Л. В. Лебедева. Причина усматривалась в травле, которой он подвергся в академии. 8 мая Лебедев подал заявление в бюро фракции РКП (б) академии с опровержением того, что он якобы состоял в кадетской партии, о чем сообщил в Разведупр его сокурсник В. Г. Драгилев⁵⁷. Последнему Лебедев предлагал в трехдневный срок лично заявить в Разведупр, что сообщенные им сведения не соответствуют действительности. В связи с причастностью Разведупра к случившемуся требовалось опросить и всех, кого упоминал Лебедев в своем заявлении от 8 мая.

Опросы, произведенные комиссией, позволили установить истину в этом вопросе. Лебедева почти все опрошенные охарактеризо-

---

⁵⁴ В документе — необходимо.

⁵⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. 92 об.

⁵⁶ Там же. Л. 35.

⁵⁷ Там же. Л. 11.

вали с положительной стороны как активного члена партии, человека с хорошей теоретической подготовкой и вполне образованного. Лебедев являлся бывшим поручиком, владел иностранными языками, отличался высокой работоспособностью⁵⁸. В 1917–1918 гг. придерживался меньшевистских взглядов. Академию он окончил в 1921 г. Общим было мнение о том, что Лебедев — типичный интеллигент, человек нервный, впечатлительный, склонный к самоанализу, с «тонким организмом». Первым ударом по нему стало исключение из партии в ноябре 1921 г. в ходе чистки, а вторым — заявление слушателя В. Г. Драгилева о кадетском прошлом Лебедева. Обвинения он воспринял как недоверие к себе.

Вопрос о Лебедеве рассматривался в целом как симптом неблагополучия коммунистической фракции академии, где имели место коммунистическое бахвальство, травля своих товарищей и сильно развитое склоничество, обусловленные наличием в академии различных группировок — «старой партийной братвы», «красноштанников», «шпористов», «штабс-капитанов», «интеллигентов». Сохранялись и антиспецовские настроения, то есть неприятие бывших офицеров — военспецов. На выборах в бюро фракции велась агитация за то, чтобы интеллигентов туда не выбирать. Редкое собрание обходилось без заявлений конфликтного характера или каких-либо инцидентов.

Возникшая в 1919 г. фракция РКП (б) академии занималась, в основном, административно-хозяйственными и учебными вопросами. Партийные вопросы рассматривались лишь по мере возникновения надобности (прием новых слушателей, перерегистрация, чистка). Когда партия и ее московская организация сталкивались с разногласиями, это отражалось и на фракции академии. Так, в период дискуссии о профсоюзах, проявилось несколько основных позиций. На платформе «рабочей оппозиции» стояли 133 человека, на платформе «десятки» — 39 и на платформе Л. Д. Троцкого — 10 человек⁵⁹. Много внимания фракция уделяла вопросам взаимоотношений с комиссарами академии и вопросам о начальнике академии. 19 мая 1921 г. по предложению слушателя Подшивалова общее собрание внесло пожелание, «чтобы академию возглавлял партийный товарищ»⁶⁰. Бюро фракции даже давало указа-

---

⁵⁸ Там же. Л. 31.

⁵⁹ Там же. Л. 47.

⁶⁰ Там же. Л. 47 об.

ния комиссарам академии. Например, 17 января 1921 г. просило комиссаров «уделять больше внимания интересам академии»⁶¹. Комиссару Э. И. Козловскому и вовсе было вынесено порицание за неудовлетворительную постановку хозяйственной части. На следующий день слушатель А. М. Вольпе на собрании предложил тезисы, среди которых был и такой: «Пополнение военных академий должно идти из единого источника и должно быть коммунистическим»⁶². Тезисы были приняты за основу.

Антиспецовские настроения проявлялись регулярно. 9 апреля 1921 г. слушатель И. Ф. Федько предложил провести перевыборы бюро фракции «ввиду его бессилия вести твердую политику борьбы с развивающимся влиянием военных специалистов, как в стенах академии, так и вне ее»⁶³, что и было сделано. 16 июня 1921 г. на общем собрании приняли резолюцию о необходимости «проводить принципиальную линию в вопросе использования кр[асных] генштабистов через центральные органы, добиваясь всеми мерами и способами захвата в свои руки руководящих жизнью Кр[асной] армии штабов и учреждений»⁶⁴. Этот же вопрос вновь обсуждался на общем собрании 24 июля 1921 г. Тогда группа слушателей внесла предложение об обеспечении «наиболее продуктивного проведения в жизнь процесса овладения всего аппарата управления Кр[асной] армией на смену старым военспецам, чуждым интересам пролетарской революции»⁶⁵. Налицо собственное понимание коммунистами академии этих интересов и стремление занять место во главе Красной армии, отеснив генштабистов старой школы. Тогда же было внесено предложение, «чтобы преподавательский состав был обновлен, и генштабисты с опытом Гражданской войны должны прийти на смену заядлым военспецам»⁶⁶. 17 января 1922 г. слушатель М. А. Кручинский заявил о неудовлетворительном положении академии отчасти из-за назначения новым начальником А. И. Геккера. Собрания не привлекали всех слушателей-коммунистов. Обычно вопросы решались активом в 100–150 человек.

---

⁶¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 47 об.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

При этом фракция считала себя подсобным аппаратом административно-учебной жизни академии и даже претендовала на идейное руководство над фракциями прочих военных академий Советской России⁶⁷. Члены фракции выдвинули предложения по реформированию академических порядков. Речь шла о переменах в вопросах комплектования академии (увеличение пролетарского состава), политического воспитания, распределения выпускников по должностям.

Комиссия вела разбирательство и по нескольким персональным делам слушателей. Наиболее ярким был разбор инцидента со слушателем Михаилом Александровичем Кручинским (он же — Моисей Абрамович Шуф, он же — Строилов (Стромилов)). Это был один из множества авантюристов, которых вынесла на авансцену революция.

Слушатель А. Г. Бармин вспоминал, что в противовес генштабистам старой школы в академии возникла группировка «во главе со старым большевиком Кручинским, старым, естественно, в смысле партийного стажа, а не по возрасту, так как ему не было еще и тридцати лет. Это был кавалер ордена Красного знамени⁶⁸, человек весьма энергичный и обладавший настоящим даром оратора-демагога. Кручинский искусно разжигал существующее недовольство, и в этом его поддерживали несколько слушателей, прежде всего Дыбенко, Урицкий и Федько, которых в свою очередь поддерживал Ворошилов. Против выступало несколько молодых слушателей, в том числе и я, которым не нравились все эти интриги и склоки. Несмотря на сильное давление, нам удалось заблокировать избрание Кручинского в состав бюро нашей партийной ячейки. К нашему изумлению, он вскоре исчез, вернее, был «выведен из обращения» чекистами, которые нашли, что он обыкновенный авантюрист, что его партийный стаж является блефом, так же, как и его военные «подвиги»⁶⁹.

Действительно, в автобиографии и показаниях Кручинский дал о себе неверные сведения, назвавшись выходцем из русской крестьянской семьи, хотя на самом деле происходил из еврейской семьи Шуф. Кроме того, Кручинский утверждал, что еще в 1910 г.

---

⁶⁷ Там же. Л. 49–49 об.

⁶⁸ А. Г. Бармин ошибается. Среди награжденных этим орденом Кручинский не значится.

⁶⁹ Бармин А. Г. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 153.

вступил в РСДРП (б) по рекомендации своей близкой знакомой А. Мессинг, которая это категорически опровергла. Кроме того, Кручинский заявлял, что арестовывался царским правительством за принадлежность к партии, но никаких доказательств не привел. Отмечалось, что Кручинский крестился и венчался с дочерью князя Кудашева. Что касается его политических взглядов, то Кручинский успел побыть сионистом, анархистом, «а затем имел отношение к какой-то религиозной секте»⁷⁰. Когда после революции Мессинг потребовала от Кручинского расстаться с имевшимся в его владении земельным участком, Кручинский угрожал оружием, которое позднее у него изъяли чекисты. Наконец, Кручинский крестил свою младшую дочь⁷¹.

В своих путаных объяснениях Кручинский отметил, что действительно воспитывался в бедной семье Шуф и не скрывал этого, но мать неоднократно заявляла, что его настоящий отец — русский. Партийную работу в Александрове Владимирской губернии и арест подтверждал, отрицая причастность к сионистам и владение землей, крещение и женитьбу на Кудашевой⁷². Имела место даже путаница с возрастом Кручинского. Он считал, что ему 30 лет, но по справке о судимости выходило, что 25. Противоречие сам Кручинский сбивчиво объяснял тем, что при поступлении в школу годы были сбавлены, а при аресте в 1914 г. был показан меньший возраст для уменьшения наказания⁷³.

Биография Кручинского за период Гражданской войны еще интереснее. До IV съезда Советов председательствовал в московском уездном комитете РСДРП (б), состоял в президиуме уездного СНК, участвовал в ликвидации восстания левых эсеров. Затем каким-то образом оказался в отпуске в Житомире при гетмане П. П. Скоропадском. Связался с повстанческим ревкомом, после восстания возглавлял губЧК, отступил на Киев. Летом 1919 г. оказался под судом за расстрел спекулянта, за что был лишен права занимать ответственные должности в течение года, однако до истечения срока получил назначение начальником политотдела 44-й стрелковой дивизии. На IV Всеукраинском съезде Советов избран членом ВУЦИК, участвовал

---

⁷⁰ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 17.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. Л. 18.

⁷³ Там же. Л. 100.

в подавлении Кронштадтского восстания, якобы награжден орденом Красного знамени⁷⁴.

В академии Кручинский выдавал себя за старого члена партии, примыкая к группе так называемых «старых партийцев»⁷⁵. Для импозантности в анкетах о дореволюционной работе писал: «Каторга», хотя на каторге никогда не был. Как отмечалось в материалах расследования его деятельности ОГПУ, оказывал «разлагающее влияние на жизнь академии»⁷⁶, однако при этом состоял членом тройки в ячейке академии по чистке партии. Кручинский добивался ни много, ни мало назначения начальником Управления по командному составу Штаба РККА. Несмотря на неоднозначность личности Кручинского, Троцкий по линии Разведупра планировал направить его в Париж.

Члены комиссии опровергли ряд утверждений Кручинского. К тому же выяснилось, что коммунист крестил всех троих детей. После обсуждения сложившейся ситуации по указанию комиссии Кручинского арестовали⁷⁷. 12 июня члену комиссии Белобородову пришлось разъяснять общему собранию фракции РКП (б) академии, что арест не связан с работой комиссии⁷⁸. Возражений не последовало.

Вскрылась история и о том, что Кручинский, пользуясь принадлежностью к партии власти, самовольно завладел квартирой гражданина Константинова, в которой стал распоряжаться как хозяин. Свои действия Кручинский объяснил «классовой непримиримостью по отношению к буржуазии в лице Константинова со стороны его, чистокровного пролетария»⁷⁹. Однако, как мы уже знаем, Кручинский вовсе не был пролетарием. В бумагах комиссии отмечалось: «Если все написанное соответствует действительности, надо Кручинского выбросить как из партии, так и из квартиры»⁸⁰.

При расследовании деятельности Кручинского было установлено, что реально в партии он состоял не с 1910 г., а с 1917 или 1918 г., а увеличил свой партстаж в карьерных целях⁸¹. Однако да-

---

⁷⁴ Там же. Л. 100 об. — 101.

⁷⁵ Там же. Л. 101.

⁷⁶ Там же. Л. 101 об.

⁷⁷ Там же. Л. 21.

⁷⁸ Там же. Л. 30.

⁷⁹ Там же. Л. 92.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Л. 101 об.

же ОГПУ не смогло дать ответ на все вопросы биографии арестованного авантюриста.

По итогам работы комиссии А. С. Бубнова арестовали слушателя Р. С. Циффера, но вскоре он был освобожден. Также был арестован слушатель Бородулин. В связи с этим начался раздрай среди слушателей. Причастен к этому также оказался Кручинский и находившийся под его влиянием слушатель Станкевич. Они обвинили часть бюро фракции в стремлении выдвинуться на место более способных работников путем их устранения через арест. Сотрудники комиссии отмечали, что, «по мнению [А. П.] Штродаха, которое, судя по общему впечатлению от Генштаба довольно основательно, там, в Генштабе все время идет борьба за власть, ибо работа так поставлена, что неизменно за влияние борются группы. “Какая-нибудь клика из двух — трех человек стремится захватить власть над фракцией и отчасти академией. Всеми средствами она старается победить клику-конкурента, и для этого обе стороны не стесняются никакой грязью — сплетничают, доносят, интригуют и т. д.

Лучшим средством излечения является отстранение от всякой работы, содействующей развитию самомнения.

Товарищи очень симпатичные, хорошие, но их нужно одергивать”.

Все показания по этому делу сходятся на том, что главным виновником всех склок как будто является Кручинский, человек энергичный и умеющий влиять на более слабую публику, организовывать ее и пользоваться ею»⁸².

В ЦКК было подано заявление слушателя Сергеева, как отмечалось в бумагах комиссии А. С. Бубнова, — «жалоба ничтожного человека на свою ничтожность. Слушатель академии уже второй год, но поразительно неразвитый и бестолковый»⁸³.

Также рассматривалось дело Ю. В. Саблина (бывшего левого эсера и одного из руководителей восстания левых эсеров в Москве в июле 1918 г.), который обвинялся: «1) в сепаратно-карьеристическом поведении по отношению к общей линии поведения правления ВНО и 2) в помещении в газете “Известия ВЦИК” не имевшего места на самом деле интервью с бывш [им] главноко-

---

⁸² РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 92.

⁸³ Там же. Л. 92 об.

мандующим армиями ген[ералом] Брусиловым»⁸⁴. Дело разбирали на заседании партследственной комиссии при ячейке РКП (б) академии 5 мая 1922 г. еще до создания комиссии А. С. Бубнова. Последний же отмечал, что это дело «служит иллюстрацией внутреннего состояния ячейки Р. К. П. В[оенной] академии.

Это дело свидетельствует: Во 1-х) О несомненной легкомысленности поведения т. Саблина, дающего повод для общих нападок на так называемую в академии “группу интеллигентов” или иначе “штабс-капитанов”; во 2-х) О нарочито пристрастном отношении к т. Саблину некоторых товарищей из другой “группы” (т[ак] наз[ываемой] “старой партийной братвы”) и в 3-х) О чрезвычайной обостренности отношений в “верхушке” комячейки В [оенной] академии, которая по любому поводу неизбежно порождает склоку»⁸⁵.

Склоки проявлялись в самых разных ситуациях. В бумагах комиссии упоминалось о разборе «в ЦКК одного дела по контр [ольной] комиссии, где друг на друга ябедничают, подбирают факты и при первом столкновении при чистке и после чистки все выкидывается наружу»⁸⁶.

11 июня состоялось объединенное заседание комиссии ЦК, комиссара академии, представителей всех самостоятельных академических органов и бюро фракции РКП (б) академии. Обсуждались наиболее острые вопросы.

По оценке слушателя С. М. Белицкого, за почти четыре года работы академии смена комиссаров и начальников оказывала следующее влияние: «Все, что было до т. Тухачевского, можно характеризовать словом спец. До этого времени административная, хозяйственная и учебная жизнь была в руках слушателей, но тов. Тухачевский обновил часть профессуры, привлек новых и т. д. Если бы длительная возможность ему в дальнейшем была предоставлена, провести до конца все намеченные им реформы, положение академии всесторонне улучшилось бы. Геккер же и организатор чепуховской и в учебной программе ничего не смыслит. Единственно, на что он обращает внимание, это создать из нас хороших фельдфебелей»⁸⁷.

---

⁸⁴ Там же. Л. 91.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. Л. 92 об.

⁸⁷ Там же. Л. 22–23.

По отношению к преподавателям Белицкий был чуть менее радикален: «Спецы не могут дать больше, чем дают, так как условия их материальной жизни очень плохи. Вообще, большего в смысле профессорского состава республика⁸⁸ дать не может, обновить же частично профессиру необходимо»⁸⁹.

В отношении самодеятельных органов (учкома — учебного комитета, контрхоза — контрольно-хозяйственного комитета, правления кооператива) Белицкий отметил, что эти органы «являются результатом нашей нищеты. Объективные условия говорят за то, что уничтожение таких сейчас невозможно. Высказывают убеждение, что если внутри [енная] и учебная жизнь академии наладится, то целый ряд органов самодеятельности сам собою отомрет»⁹⁰.

Что касается состава слушателей, то Белицкий выступал за монолитность в смысле рабоче-крестьянского происхождения обучающихся, однако в полной мере добиться такого состава не представлялось возможным.

А. М. Вольпе отметил, что за границей академии сокращены, что требуется провести и в Советской России в целях улучшения качества состава. По его мнению, красная академия лучше царской, но недостаточно квалифицирована. При этом «создать пролетарский состав необходимо, но к этому надо подходить осторожно. Профессорский состав улучшить невозможно, так как сюда привлечены лучшие силы, но их не хватает на такое большое количество слушателей. Надо подготовить красную профессиру. За все время у нас осталось только два человека»⁹¹. Поменять ситуацию, по мнению Вольпе, могло только распоряжение ЦК РКП (б) оставлять при академии 20 лучших выпускников. Ранее Вольпе отстаивал исключительно коммунистический состав академии.

Принял участие в дебатах и знаменитый революционер-террорист и бывший левый эсер Я. Г. Блюмкин, который заявил, что статистика по слушателям неверна и что среди них 35% рабочих на самом деле нет, а «действительно чистых рабочих и крестьян очень мало»⁹².

М. И. Прокопенко отметил, что рабочие и крестьяне составляют порядка 20% слушателей и нужно сохранить хотя бы та-

---

⁸⁸ В документе — республики.

⁸⁹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 23.

⁹⁰ Там же. Л. 22.

⁹¹ Там же. Л. 23.

⁹² Там же.

кое соотношение. Между тем, с подготовительного курса рабочих и крестьян отчисляли.

Белобородов заявил, что академия как советское, но не партийное учреждение не может быть полностью рабочей или коммунистической. Кроме того, по его мнению, требовалось изыскивать способы приобщения рабочих к высшему образованию, хотя неспособных отчислять необходимо⁹³. При этом он отметил, что разделение на советских и несоветских профессоров уже произошло, причем последние уехали за границу.

Слушатель Лепени подчеркнул, что военная наука должна восприниматься не с идеологической, а с практической стороны⁹⁴.

По словам С. Г. Гершевича, в академии имеется три основных курса: младший, старший и подготовительный. Всего 650 слушателей, из которых около 200 должны окончить академию в текущем году. На подготовительном курсе, созданном на базе Высшей школы штабной службы⁹⁵ специально для рабочих и крестьян без образования (военный рабфак), имеется 132 слушателя и 18 выпускников бывшей школы. В то же время на подготовительный курс академии попали и некоторые невежественные представители интеллигенции, поступавшие на младший курс⁹⁶.

Н. П. Крюков заявил, что не разделяет взгляд на необходимость сокращения академии. Наоборот, армии требуется как можно больше людей с высшим военным образованием. «Что же касается внутренних недочетов академической жизни, то главная причина заключается в отсутствии за все время существования академии единой воли, проводящей вполне определенную систему и направляющей всех и вся к достижению намеченных целей, т. е. во главе академии необходимо иметь высокоавторитетное лицо и в военном, и в политическом отношении, регулирующее своим авторитетом всякие внутренние отклонения»⁹⁷.

Помощник начальника академии Л. Ф. Печерский подчеркнул, что академия комплектовалась по решениям мандатной комиссии,

---

⁹³ Там же. Л. 24.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Подробнее об этом военно-учебном заведении: *Ганин А. В.* Эрзац-академия. Советские школы штабной службы в годы Гражданской войны // *Гражданская война в России: проблемы истории и историографии.* Сб. докладов. СПб., 2014. С. 121–135.

⁹⁶ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 25.

⁹⁷ Там же. Л. 26.

в которой состояли и два представителя фракции РКП (б). Что касается расширения набора, то его в Реввоенсовете республики добился в бытность его начальником академии (с июля 1921 по январь 1922 г.) М. Н. Тухачевский, в результате чего был утвержден штат в 800 слушателей⁹⁸. Болезненным моментом было то, что пролетарской части комсостава РККА был закрыт доступ в академию. Печерский не согласился с Белобородовым в том, что академия — учреждение советское. Помощник начальника академии считал, что это военно-учебное заведение фактически должно быть партийным.

Итоги дебатов подвел А. С. Бубнов. Он отметил, что в академии нужны твердые учебные планы и программы, не только военная, но и учебная дисциплина. По его оценке, из армии требовалось направить в академию специалистов на пополнение преподавательского состава. В вопросе материального обеспечения академии Бубнов отметил необходимость повысить калорийность пайка, улучшить качество продуктов⁹⁹.

По итогам расследования 27 июня в протоколе заседания комиссии отмечалось, что «фракция В[оенной] академии находится в болезненном состоянии (не изжиты совсем антиспецовск[ие] настроения, сохранились отголоски “раб[очей] оппозиции”, имеется деление на “рабочих” и “интеллигентов” или “старую партийную братву” и “штабс-капитанов¹⁰⁰”, налицо интриганство, карьеризм, склоничество и проч[ее]»¹⁰¹.

Для решения проблемы «необходима самая радикальная чистка, д[олжна] б[ыть] создана специальная комиссия по проверке всего состава фракции академии... необходимо влить во фракцию академии группу стойких партийцев, которые бы своим авторитетом, влиянием, энергией сумели бы сплотить и укрепить фракцию Р. К. П. академии... необходимо дать В[оенной] академии в качестве комиссара старого ответственного парт[ийного] товарища с военным стажем»¹⁰².

На том же заседании обсуждался вопрос о мерах по совершенствованию учебно-административных вопросов. Комиссия считала, что начальником академии должен быть крупный военный спе-

⁹⁸ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 27.

⁹⁹ Там же. Л. 28.

¹⁰⁰ В документе — штабс-капитаны.

¹⁰¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 16.

¹⁰² Там же.

циалист при комиссаре — ответственном партийном товарище. Комиссару следовало придать двух помощников. Кроме того, требовалось лишить органы самостоятельности академии распределительно-административных функций. Участие слушателей в организации учебной части через постоянно действующий учком (учебный комитет) признавалось нежелательным и не отвечающим требованиям академии. Постановили сократить численность академии и сократить подготовительный курс.

Возможно, в связи с идеей чистки в академии был разработан проект положения о приемочно-поверочных политических комиссиях, утвержденный Оргбюро ЦК РКП (б)¹⁰³.

Разумеется, в намеченные две недели комиссия свою работу не завершила, проработав больше месяца (а позднее возобновила работу, уже осуществляя не обследование, а чистку академии). Но 1 июля Л. Д. Троцкому и ЦК РКП (б) были представлены результаты обследования академии, помеченные грифом «Совершенно секретно». Основным итогом стал доклад в ЦК. Суть его сводилась к тому, что внутренняя обстановка в академии и во фракции коммунистов неблагоприятна и предопределялась борьбой различных группировок слушателей. Слушатели вмешивались в учебный процесс. Сильны были антиспецовские настроения. Комиссия пришла к выводу о необходимости серьезной чистки и сокращения количества слушателей академии. Требовалось усилить и политическую работу, дав академии нового комиссара. Вопрос о чистке (в частности, об удалении карьеристов из коммунистической фракции) представлялся довольно неоднозначным. Не случайно на полях напротив кто-то из читателей поставил вопросительный знак. Тем не менее, в дальнейшем такая чистка была проведена.

15 июля 1922 г. РВСР постановил сократить переменный состав академии за счет тех слушателей, которые не имели годовичного стажа службы в РККА, не соответствовали по здоровью, не были способны по своему развитию воспринимать академический курс или вносили элементы недисциплинированности в жизнь академии¹⁰⁴.

Вопрос об академии обсуждался 28 июля 1922 г. на заседании секретариата ЦК РКП (б). В бюро фракции РКП академии члена-

---

¹⁰³ Там же. Л. 95.

¹⁰⁴ Муклевич Р. А. Академия после чистки // Военная академия за пять лет. М., 1923. С. 84.

ми партийной комиссии было направлено письмо с кратким изложением результатов обследования. Отмечалось, что покончивший с собой слушатель Лебедев был высококвалифицированным работником и добросовестным членом партии. Самоубийство слушателя связывали как с особенностями его характера, так и с обстановкой во фракции, а также с чисткой, которую в ней проводила «тройка» во главе с М. А. Кручинским — авантюристом, карьеристом и демагогом. Неблагополучие во фракции показало и дело Саблина. Вмешательство бюро фракции во все стороны жизни академии признавалось вредным. В качестве мер улучшения положения предлагалось сократить численность академии, повысить качество переменного состава (слушателей) путем чистки и строго соблюдения условий приема¹⁰⁵.

Началась чистка, проводившаяся в конце июля — августе 1922 г. 27 июля комиссия образовала четыре подкомиссии из трех человек каждая для проверки слушателей всех курсов. В каждую подкомиссию вошли по одному представителю от Политического управления РСФСР (ПУР), московского комитета РКП (б) (МК) и ЦКК. Подготовительный курс обследовала подкомиссия в составе Чельшева, Кольцова (от МК) и Гранберга (от ПУРа); младший курс — подкомиссия в составе Здобнова (заведующий транспортным отделом ЦК), Юркина (от МК) и Воробьева (от ПУРа); старший курс — подкомиссия в составе Лидан (от МК), Рошала (от ЦКК) и Прокофьева (от ПУРа); дополнительный курс — подкомиссия в составе Седого, Цихана (от МК) и Иорданского (временного заместителя Э. М. Склянского)¹⁰⁶. Кроме того, в этой работе приняли участие сами члены комиссии и другие видные партийные деятели: А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, С. С. Данилов, Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, И. Н. Смирнов.

К середине августа проверка слушателей была завершена. Весь материал просмотрели члены подкомиссий во главе с членами комиссии (на дополнительном курсе — Бубнов, на старшем — Белобородов, на младшем, подготовительном курсах и в Восточном отделе — Сольц). Затем комиссия пересмотрела весь материал.

Чистка была крайне жесткой. При проверке рассматривались военный и партийный стаж, общее развитие, марксистская подготов-

---

¹⁰⁵ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

¹⁰⁶ Там же. Л. 11.

ка, военные знания, характеристика как члена партии, состояние здоровья. Подлежали проверке как партийные, так и беспартийные слушатели. Результаты работы комиссии оказались следующими:

Таблица 4
Итоги работы комиссии по обследованию
Военной академии РККА¹⁰⁷

<i>Подготовительный курс</i>	
Проверено слушателей	109
Из них оставлено в академии	58
Отчислено за недостатком боевого, командного стажа и по иным причинам	40
Демобилизовано из них	2
<i>Младший курс</i>	
Проверено слушателей	180
Из них оставлено в академии	107
Отчислено за недостатком боевого, командного стажа и по иным причинам	73
Демобилизовано из них	10
<i>Старший курс</i>	
Проверено слушателей	122
Из них оставлено в академии	51
Отчислено за недостатком боевого, командного стажа и по иным причинам	71
Демобилизовано из них	8
<i>Дополнительный курс</i>	
Проверено слушателей	198
Из них оставлено в академии	80
Отчислено за недостатком боевого, командного стажа и по иным причинам	118
Демобилизовано из них	17

¹⁰⁷ Составлено по: РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 9, 11.

Проверено слушателей	63
Из них оставлено в академии	17
Отчислено за недостатком боевого, командного стажа и по иным причинам	46
Демобилизовано из них	?

Таким образом, из 722 слушателей были проверены 672 или 93%. Из 672 проверенных комиссией слушателей 348 исключили из академии по неблагонадежности, непригодности к штабной работе, слабой общеобразовательной подготовке, отсутствию командного стажа и другим причинам. Таким образом, были исключены 52% проверенных комиссией или 48% всех слушателей академии, что являлось огромным процентом. Кроме того, ряд слушателей исключили из партии: на дополнительном курсе — 25, на старшем — 15, на младшем — 10, в Восточном отделе — 9, на подготовительном курсе — 2. Итого — 61 человек. Впрочем, в отчетных данных есть разночтения. В частности, указано, что всего исключены из партии и переведены в кандидаты 83 слушателя¹⁰⁸.

По курсам исключили 73% Восточного отдела, 60% дополнительного курса, 58% старшего курса, 41% младшего и 36,7% подготовительного курсов. Таким образом, чистка в наибольшей степени коснулась Восточного отдела и дополнительного курса. Из каждых ста рабочих исключили 39, из каждых ста крестьян — 52, из каждых ста интеллигентов — 58. Многих отчисленных со старших курсов рабочих переводили на подготовительный курс. Отчисленные могли подавать апелляции.

По свидетельству слушателя А. Г. Бармина, чистки «отчасти требовала сложившаяся ситуация... Официальной целью чистки было избавление от авантюристов и чуждых элементов, а также тех, кто вступил в партию в корыстных целях»¹⁰⁹. По его же словам, «Центральный комитет партии, видимо, не забывший, как голосовала партийная организация академии в ходе дискуссии о профсоюзах (большинство было за “рабочую оппозицию”) про-

---

¹⁰⁸ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

¹⁰⁹ Бармин А. Г. Соколы Трощкого. М., 1997. С. 133–134.

тив Ленина, Троцкого и Бухарина — решил, что в академии надо провести новую чистку. Эта чистка свалилась нам как снег на голову. Партийная комиссия, облеченная всеми полномочиями, работала очень жестко, и решения свои выносила в закрытом порядке»¹¹⁰.

Подкомиссия, обследовавшая дополнительный курс, отметила «необычайно низкий уровень общего политического и партийного развития, причем последнее в одинаковой степени поражает и в рабочих с крестьянами, и [в] интеллигентах¹¹¹ — в последних даже сильнее, нежели в первых и доходит поистине до результатов, при которых можно только удивляться абсентизму, невежеству и наивности слушателей»¹¹².

Примечательны и персональные заключения по отчисленным. Например, слушатель старшего курса И. В. Никитин называл себя рабочим, злоупотребляя этим. На самом деле он оказался бывшим лакеем графа Шереметьева. Исключен он был из академии «за низкий уровень развития, неподготовленность в военном отношении, полную политическую безграмотность, отсутствие интереса к общественной жизни, непригодность к штабной работе»¹¹³.

У слушателя дополнительного курса А. А. Евреинова, оказавшегося бывшим дворянином, мотивировка отчисления была следующей: «Полная бесполезность для Красной армии. Ничем не интересуется, ни в чем не разбирается. Нэпман»¹¹⁴.

Среди исключенных оказался слушатель старшего курса, знаменитый эсер-террорист Я. Г. Блюмкин: «Человек способный, но поверхностно усваивающий курс. В последний год в академии совершенно не работал, занимался другой работой. Склонник. Бывший эсер и не изживший еще окончательно эсеровщины. Не был на фронте, стажа никакого. Фракция обвиняет в карьеризме»¹¹⁵.

Ю. В. Саблин характеризовался как «политически безграмотный, несмотря на хорошее общее развитие (за что переведен в кандидаты), быв[ший] левый эсер, что чувствуется до сих пор.

---

¹¹⁰ Там же. С. 154.

¹¹¹ В документе — интеллигентам.

¹¹² РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

¹¹³ Там же. Л. 12.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

Чрезмерно самоуверен, по учебным отзывам военные знания слабы и поверхностны. В парт[ийном] отношении не активен. Масс чуждается. Больше годится к строевой работе, а не штабной»¹¹⁶.

Как «вносящий элемент разложения и деморализации» в среду слушателей оказался исключен из академии, а как «чуждый элемент и политически безграмотный» — еще и из партии¹¹⁷, бывший дворянин, гвардейский офицер М. В. Гильшер, состоявший в РКП (б) с 1920 г. По всей видимости, речь идет об офицере Лейб-гвардии Семеновского полка, предположительно младшем брате прославленного русского летчика-аса Первой мировой войны Ю. В. Гильшера¹¹⁸.

Академию покидали и слушатели с белогвардейским прошлым. Так, по состоянию здоровья был отчислен помощник командующего 7-м стрелковым полком 3-й Казанской стрелковой дивизии Х. Ф. Алишев — бывший поручик, участник Гражданской войны на Востоке России, служивший в Башкирском корпусе белых, вместе с которым в 1919 г. он перешел на сторону красных¹¹⁹.

Из Восточного отдела исключали случайных людей, попавших туда из-за пайка или карьеризма (через НКВД), не имея никакой связи с Востоком и с его изучением.

Слушатели воспринимали происходящее едва ли не как произвол. Так, А. Г. Бармин свидетельствовал, что «комиссия исключала людей из партии и из академии, мотивируя это всем, чем угодно, или вообще не приводя никаких мотивов. Так, были изгнаны из академии, скомпрометированы, остались без работы и практически без средств к существованию несколько офицеров, которые отлично воевали на фронте и сейчас заканчивали учебу в академии. Некоторые из этих отверженных покончили жизнь самоубийством. Из академии был исключен мой друг [Д. С.] Гаевский, которого я знал как человека, проявлявшего бесстрашие под огнем. Это был высокий, худощавый и обычно веселый человек, но, когда я встретил его через неделю после чистки, он был в состоянии, близком к отчаянию. Мы встретились в коридоре около каби-

---

¹¹⁶ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 12–13.

¹¹⁷ Там же. Л. 13.

¹¹⁸ *Нешкин М. С., Шабанов В. М.* Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006. С. 75–76.

¹¹⁹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 330. Л. 93–99.

нета начальника академии. В руках у него я увидел письмо Троцкого и что-то блестящее. Гаевский с горечью сказал:

— Если я не достоин учиться в академии, то не знаю, для чего мне дали этот орден, — они могут получить его обратно!

Его восстановили в академии, поскольку допущенная несправедливость была слишком очевидна. Позже он стал одним из видных организаторов промышленности, но в 1936 году его обвинили в терроризме и заклеили как “врага народа”.

Другой мой друг, [Р. А.] Ицковский, сын бедного еврейского портного, который при царском режиме подвергался арестам, а затем принимал участие в революционной деятельности на Украине вместе с [Г. А.] Пятаковым, был по требованию Бубнова исключен из академии. А ведь он с ним, как я знал, в свое время спал на одном матрасе в киевской тюрьме. Однажды встретив его, Бубнов протянул ему руку, но Ицковский отказался ее пожать и сказал с улыбкой: — Сукиным сынам я рук не пожимаю.

Сейчас я вспоминаю, что он всегда был весел, как бы плохо ни шли дела, приговаривая, что все может быть еще хуже. Откуда у него был такой веселый характер? Из тюрьмы, где он провел пять лет в одиночке и кандалах, его освободила революция. Видимо, там он приучил себя улыбаться, несмотря ни на что¹²⁰. В конце концов, он был восстановлен в академии, а впоследствии занимал высокий пост в Наркомате внешней торговли. В 1935 году¹²¹ он был обвинен в “троцкизме” и исчез¹²².

Отчисляемые от академии слушатели, в основном, переводились в строй на год, чтобы затем вернуться в академию для зачисления на общих основаниях с прохождением мандатной комиссии и испытаний¹²³.

Вместе с тем РВСР в октябре 1922 г. разослал всем командующим войсками округов, фронтов и отдельных армий, а также начальнику академии циркуляр о том, что отчисленные направляются

---

¹²⁰ Р. А. Ицковскому был посвящен сатирический шарж в журнале клуба академии со следующей подписью: «Сидел два года в Шлиссельбурге, три года в академии. По происхождению рабочий, но от какой бы то ни было работы отлынивает. Был вычищен, но принят вновь, о чем он сожалеет не меньше, чем комиссия, начальство и профессура» (Красные зори. Ежемесячный журнал клуба Военной академии РККА. 1923. № 2. Февраль. С. 26).

¹²¹ Правильно — в 1937 г.

¹²² Бармин А. Г. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 154–155.

¹²³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

в войска, но «это отчисление, безусловно, не имеет сколько-нибудь дискредитирующего значения, а свидетельствует о том, что данное лицо при имеющемся служебном стаже и полученной общей подготовке не соответствует прохождению курса высшего военно-учебного заведения. В условиях же практической работы откомандирование для многих должно явиться благоприятным моментом, позволяющим пополнить существующие пробелы. Поэтому отчисление не закрывает в будущем большинству откомандированных двери академии, за исключением лиц, о которых это будет особо указано.

Исходя из вышеизложенного, Революционный военный совет республики еще раз подчеркивает, что отчисленные от академии не должны рассматриваться как отверженные, а скорее учитываться как лица, имеющие известный плюс в полученной, хотя бы и неполной, теоретической подготовке и тем самым для них должна быть создана на местах соответствующая товарищеская обстановка, позволяющая им плодотворно работать на должностях, к занятию которых они командируются»¹²⁴. Ряд слушателей был отчислен в войска для приобретения стажа. Ко времени приема 1923 г. в академию прибыли 20 таких слушателей, из них вновь зачислили 16 человек¹²⁵.

По заключению комиссии, основными причинами несоответствия слушателей, а также недоразумений были: недостаточная проверка поступающих, которые не имели боевого и политического стажа, а нередко даже не служили в РККА и не имели никаких заслуг, были непригодны к штабной службе, отличались беспочвенной самоуверенностью в знаниях и способностях, некоторым авантюризмом, обладали слабой общеобразовательной подготовкой, плохим умственным развитием, отличались политической безграмотностью или неблагонадежностью, имели слабое здоровье. На качество слушателей отрицательно влияла и неудовлетворительная постановка в академии партийной и политико-просветительской работы, а также отсутствие необходимой дисциплины, слишком большая свобода посещения лекций, слабый контроль усвоения предметов. Вредно отражалась на академии и частая смена начальников и комиссаров.

На будущее требовалось осуществлять отбор слушателей компетентной мандатной комиссии, обеспечивая однородность состава

---

¹²⁴ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.

¹²⁵ Муклевич Р. А. Академия после чистки // Военная академия за пять лет. М., 1923. С. 99.

зачисляемых путем недопущения лиц без боевого и строевого стажа, без политической подготовки, слабых здоровьем и не имеющих заслуг, доказывающих их преданность Советской власти. Командируемых должны были предварительно проверять окружные комиссии из командующего округом (члена РВС), начальника политического управления и начальника Особого отдела.

Члены комиссии отмечали важность для обеспечения надлежащего социального состава слушателей сохранения подготовительного курса академии, по крайней мере, на 50 человек, куда предполагалось направлять рабочих и крестьян, отвечавших условиям приема, но не имевших общеобразовательной подготовки.

Чистка несколько повысила процент партийных среди слушателей. Если ранее партийный стаж до Февральской революции имели 4% слушателей, до Октябрьской — 14%, после Октябрьской — 82%, то после чистки эти показатели составили 6%, 19% и 75% соответственно. Возросла военная подготовленность и социальная однородность слушателей, укрепилась дисциплина. По начавшему зарождаться корпоративизму красных генштабистов, потенциально опасному для большевиков, был нанесен мощный удар¹²⁶.

Парторганизация академии была освобождена от административных функций. Был ликвидирован и так называемый учком — учебная комиссия, созданная слушателями при бюро фракции коммунистов и пытавшаяся вмешиваться в учебный процесс. В период чистки сменился начальник академии. Вместо А. И. Геккера им в августе 1922 г. стал П. П. Лебедев. Новым комиссаром академии стал Р. А. Муклевич, назначенный 17 августа 1922 г. При назначении Муклевич получил от заместителя председателя РВСР Э. М. Скянского указание подтянуть академию, «превратить ее из клуба, в котором подвизаются политиканствующие элементы и происходит борьба группировок, в настоящее высшее учебное заведение Красной армии, в котором слушатели занимались бы серьезной военной работой и где не было бы места тунеядцам»¹²⁷. Требовалось радикальное улучшение партийной работы, для чего ячейка подлежала освобождению от административных функций и должна была заниматься исключительно поднятием партийного уровня своих членов,

---

¹²⁶ Подробнее о корпоративизме генштабистов до и после 1917 г. см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013. С. 13–95.

¹²⁷ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 39.

а московский комитет партии делегировал своих инструкторов для руководства марксистскими кружками академии.

Комиссия обратила внимание на необходимость улучшения преподавания социально-экономических дисциплин — требовалось освещать актуальные сюжеты и вовлекать слушателей в обсуждение вопросов внутренней и внешней политики (сменовеховство, единый рабочий фронт, финансовая политика, Генуэзская и Гаагская конференции).

Органы самодеятельности слушателей должны были допускаться к административным вопросам лишь в исключительных случаях и лишь по распоряжению начальника и комиссара академии. Самодеятельность требовалось направить в сторону совершенствования усвоения знаний и расширения кругозора. Для повышения результативности обучения требовалось запретить совместительство (кроме исключительных случаев с согласия начальника и комиссара академии) и посещение наряду с академией других высших учебных заведений.

Вслед за чисткой слушателей комиссия сочла необходимой чистку профессуры, замену негодных на тех, кто выдвинулся на практической работе на фронтах и в военных округах. Такая чистка действительно состоялась. Требовалось улучшить и условия быта слушателей, которые оценивались как не вполне удовлетворительные.

4 и 6 сентября 1922 г. итоги работы комиссии обсудили в Оргбюро ЦК РКП (б). Доклад комиссии был утвержден. Для рассмотрения апелляции создавалась комиссия в составе И. Н. Смирнова, В. В. Куйбышева и М. М. Ланды¹²⁸.

Реализация указаний комиссии происходила осенью 1922 г. Были внесены изменения в организацию фракции РКП (б) академии, усилена подготовка по социально-экономическим дисциплинам, для чего привлекались лучшие лекторы (например, курс политической экономии младшему курсу читал один из основоположников польской коммунистической партии Ю. Мархлевский, курс «Политический строй РСФСР в связи с марксистской теорией права и государства» читал П. И. Стучка, историю РКП (б) на всех курсах читал А. С. Бубнов¹²⁹).

---

¹²⁸ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 19.

¹²⁹ Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 124 об. — 125.

Оценивая итоги чистки, помощник начальника академии Л. Ф. Печерский отмечал, что «эта мучительная работа была закончена к середине сентября 1922 года. Было сделано много ошибок в этой огромной работе, как в смысле недостаточной чистки (например, Тертов), так и наоборот. Но это было неизбежно. Две дальнейшие комиссии исправили их. В результате этой работы был подготовлен фундамент для дальнейшего существования действительно Военной академии. По нашему мнению, что мы своевременно и докладывали РВСР, процесс реорганизации академии мог закончиться только лишь к 1923/24 учебному году... признаки «Запорожской сечи» почти исчезли»¹³⁰.

Тем не менее, проблема подбора слушателей академии никуда не исчезла. В новом наборе 1922 г. процент рабочих и крестьян оказался крайне низким. Из 161 человека, принятого на младший и подготовительный курсы, оказались всего 31 рабочий и 17 крестьян, то есть «правильное» происхождение имели лишь 30% нового набора¹³¹. Разумеется, людям без образования было крайне сложно удержаться в академии. В то же время, лица «неправильного» происхождения, бывшие офицеры, по другим статистическим выкладкам, составляли 46,7% набора 1922 г.¹³² Все это не могло не вызывать обеспокоенность курировавших академию партийных работников. Поэтому в конце года новый комиссар академии Р. А. Муклевич предложил для сохранения рабоче-крестьянского элемента слушателей дискриминационные меры — исключать не справляющихся с учебной работой интеллигентов, а вопрос об исключении рабочих и крестьян каждый раз рассматривать персонально и предоставлять по возможности отсрочки¹³³. Л. Д. Троцкий, в целом, с таким предложением согласился. Но, несмотря на все усилия партийного руководства, отказаться от опоры на военспецов в тот период было невозможно в силу низкого образовательного уровня прочих командиров РККА. Снижение процента бывших офицеров в командном составе РККА происходило постепенно. Завершили этот процесс репрессивные волны 1930-х гг.

---

¹³⁰ Печерский Л. Ф. 1921–22 учебный год (страничка воспоминаний) // Военная академия за пять лет. М., 1923. С. 78–79.

¹³¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

¹³² Муклевич Р. Кого мы приняли в академию в 1922 году // Красные зори. 1923. № 4. Апрель. С. 3.

¹³³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

ДОКЛАД КОМИССИИ ПО ОБСЛЕДОВАНИЮ
ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
РККА В ЦК РКП (б). 1 июля 1922 г.

В Центральный комитет Р. К. П. (б)

Комиссия по обследованию внутренней жизни Военной академии РККА приступила к работе 29-го мая с. г.

Комиссия, согласно постановления Оргбюро ЦК, за исходную точку своего обследования взяла самоубийство слушателя Военной академии тов. Лебедева.

Обследование велось следующим путем:

1. Было рассмотрено дело Л. В. Лебедева.
2. Собраны были различные дела слушателей академии, дававшие освещение состоянию фракции РКП В[оенной] академии.
3. Рассмотрены протоколы фракции и бюро фракции академии.
4. Произведено ознакомление с постановкой учебного дела.
5. Выяснено материальное положение, как слушателей, так и академии.
6. Собраны различные материалы, характеризующие состав слушателей академии, условия приема и проч.
7. Произведен опрос слушателей и администрации академии (о самоубийстве Лебедева, о внутреннем состоянии фракции и о материальном положении академии).

Комиссией были опрошены следующие слушатели академии — т.т. Кручинский, Венцов, Рымшан, Аронштам, Драгилев, Гайлис, Щаденко, Саблин, Блюмкин, Прокопенко, Жабин, Шаумян, Станкевич, Трифонов, Шарманов, Урицкий, Мирра, Артамонов, Дзешет, Белицкий, Подгорецкий, Подшивалов, Сахновский, Штродах и Карпун (всего 25 человек), также нач[альник] академии тов. Геккер и пом[ощник] нач[альника] тов. Печерский.

Письмо с вопросами о постановке учебного дела в академии было послано т.т. Геккеру и Печерскому, а также профессорам Военной академии т.т. Верховскому, Зайончковскому, Лукирскому, Снесареву, Свечину, В. Ф. Новицкому и Ф. Ф. Новицкому.

При опросе слушателей комиссия обратила внимание на некоторые противоречия в показаниях т. Кручинского, касающиеся его биографии. При производстве внимательного расследования по этому поводу обнаружилось, что М. А. Кручинский является личностью, требующей тщательного выяснения. Выяснилось, что М. А. Кручинский скрыл свой настоящий возраст, дал неправдивые показания о своем происхождении и неправильно показал свой партстаж (с 1910 года, тогда как в 1914 году в тюрьме он был сионистом, затем имел прикосновение к какой-то религиозной секте). На основании этих указаний комиссии пом[ощник] нач[альника] академии тов. Печерский арестовал Кручинского и препроводил его в распоряжение ГПУ (см. приложение № 5)¹³⁴.

Дальнейшее следствие дало вполне установленный материал для того, чтобы выступить с ниже сформулированными комиссией предложениями, касающимися М. А. Кручинского.

Весь собранный и изученный комиссией материал лег в основу следующего общего заключения комиссии.

1. Кончивший самоубийством 15-го мая с. г. слушатель В[оенной] академии А. В. Лебедев по общему признанию был высококвалифицированным военным работником и добросовестным членом партии.

В то же время по своему психическому складу Лебедев был повышенно чутким, “испорченным”¹³⁵ самоанализом, склонным к самоуничтожению человека. Несмотря на неустойчивость своей психики, Лебедев постоянно боролся со слабостями своего характера и умел их побеждать. Налицо имеется много оснований предполагать, что дальнейший жизненный опыт, борьба, суровая обстановка военной работы могла его закалить и дать партии и республике стойкого и полезнейшего работника. Решение Лебедева застрелиться было реакцией впечатлительной, неустойчивой психики на те условия, которые его окружали и на те удары, которые ему были нанесены. Первым ударом было исключение из партии во время чистки, вторым — было заявление слушателя академии тов. Драгилова в Разведупр, принятое Лебедевым, как новое выражение недоверия к нему со стороны партии. Это все происходило,

---

¹³⁴ Не публикуется. Речь идет о протоколе объединенного заседания комиссии ЦК РКП (б), представителей всех органов самодеятельности и бюро фракции РКП (б) академии и комиссара академии Печерского от 11.06.1922 (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 22–29).

¹³⁵ В документе — испорченный.

во-первых, при наличии пристрастного отношения группы слушателей к тов. Лебедеву как к интеллигенту, во-вторых, при наличии почти недопустимо-небрежного отношения к тов. Лебедеву и его заявлению со стороны товарищей, стоящих во главе фракции (что ни в какой мере не может послужить материалом для обвинения их в преднамеренности к тов. Лебедеву) и, в-третьих, — в наличии некоторых признаков травли со стороны т. т. из группы так называемой в академии “старой партийной братвы” против так называемых “интеллигентов”, в том числе и против Лебедева (см. приложение № 1 раздел I и раздел II пункт а)¹³⁶.

Можно утверждать, что чистка в академии происходила в условиях ненормальных, т. к. она отражала ту борьбу группировок, которая имела место во фракции академии и во главе тройки по чистке стоял Кручинский, несомненный авантюрист, демагог, с карьеристическими наклонностями, который, как теперь выяснилось, нагло гнал, когда выставлял себя старым членом партии, перенесшим каторгу и т. д.

II. Для уяснения себе состояния фракции В[оенной] академии характеристика слушателя Кручинского представляется комиссии весьма необходимой: по данным, находящимся в следственных материалах О[собога] о[тдела] ГПУ, можно сделать следующие предварительные выводы о Кручинском-Шуфе:

а. Увеличил свой партстаж, указав его с 1910, тогда как следовало бы указать или с 1917 или 1918 года.

б. Сделал это увеличение партстажа с карьеристскими целями, дабы занять соответствующее положение в академии и Красной армии.

в. Вместе с другими повинен в разлагающей и дезорганизующей академиию работе.

III. Если самоубийство Лебедева и верховодство во фракции Кручинского вне всякого сомнения являются характернейшими симптомами неблагополучия во фракции РКП (б) в В[оенной] академии, то дела т. т. Саблина и др., заявления и показания слушателей академии, работа фракции и ее бюро за годы существования академии и проч[ее] дают картину болезненного состояния фракции, выражающегося в следующих явлениях.

---

¹³⁶ Не публикуется. В деле не обозначено. Вероятно — Протокол № 5 заседания комиссии по обследованию внутренней жизни фракции РКП (б) Военной академии от 27.06.1922 (Там же. Л. 16–16 об.).

Несмотря на то, что целый ряд слушателей, дававших комиссии показания, стремился смягчить характеристику внутреннего состояния фракции, все же общая картина этого состояния из опросов вырисовывается достаточно ясно:

1. Постоянно возникающие трения на почве деления на “рабочих” и “интеллигентов”, “старую партийную братву” и “штабс-капитанов” и “красноштанников” и т. д.

2. Несомненная наличность коммунистического бахвальства и некоторого остатка антиспецовских настроений.

3. Постоянно вспыхивающее склочничество.

4. Некоторый карьеризм в верхушках фракции.

5. Сознательное уклонение от работы внутри фракции целого ряда партийных товарищей и некоторой части старых членов партии, инертность и апатичность массы членов фракции (см. приложение № 7)¹³⁷.

IV. Чрезвычайно вредно влияющим на внутреннюю жизнь фракции и на некоторые стороны работы академии обстоятельством должно быть признано постоянное, непосредственное вмешательство бюро фракции и различных органов самодеятельности в административно-хозяйственную и учебную жизнь академии (см. приложение¹³⁸).

Это вмешательство укрепляло почву, на которой произрастали антиспецовские настроения и даже теории, коммунистическое бахвальство, местничество, карьеризм, верхоглядство и склочничество, а также множились различные недовольства и конфликты, как между слушателями, так и между слушателями, с одной стороны и администрацией и профессурой с другой.

Ввиду всего изложенного состояние фракции должно быть признано болезненным и требующим немедленного проведения системы и мер по оздоровлению.

V. Характеристика академической жизни, как со стороны административно-хозяйственной, так и учебной, данная в записках администрацией академии, профессурой и слушателями в лице бюро фракции (см. приложение № 10, 11 и 12)¹³⁹ не может быть призна-

---

¹³⁷ Не публикуется. Речь идет о документе «Главнейшие выводы из опросов, произведенных комиссией» (Там же. Л. 41–45).

¹³⁸ Номер приложения не обозначен.

¹³⁹ Не публикуются. Приложение № 10. Из доклада о состоянии Военной академии РККА (подана бюро фракции РКП Военной академии); приложение № 11. Сводка мнений о постановке учебного дела в В[оенной] академии; приложение

на удовлетворительной и также нуждается в целом ряде крупнейших изменений (чрезвычайно разнообразный состав по уровню подготовки; слишком разбухший численный состав академии, не согласованный с наличными материальными и преподавательскими ресурсами; отсутствие устойчивых учебных планов и программ и проч[его]).

В качестве практических выводов из этих положений комиссия предлагает следующее:

а. Признавая, что фракция РКП В[оенной] академии находится в болезненном состоянии (не изжиты еще антиспецовские настроения и даже теории, сохранились отголоски “рабочей оппозиции”, имеется недопустимое деление на “рабочих” и “интеллигентов”, налицо коммунистическое бахвальство, местничество, карьеризм, верхоглядство и склочничество) провести для ее оздоровления следующие мероприятия: 1) Радикальную чистку фракции академии, удалив из нее (не из партии) все карьеристские и демагогические элементы. Для производства ее создать специальную авторитетную партийную комиссию. Необходимо влить во фракцию академии группу стойких партийцев, которые бы своим авторитетом, влиянием, энергией сумели бы сплотить и укрепить фракцию Р. К. П. академии. 2) Необходимо дать В[оенной] академии в качестве комиссара старого ответственного партийного товарища с военным стажем.

б. Для установления нормальных условий деятельности академии признать необходимым проведение следующих мер: 1) Сократить число слушателей академии до 400, считая в том числе прикомандированных особо выдающихся командиров и комиссаров для подготовки в академию и Восточный отдел. 2) Укомплектовать младший курс академии в текущем году лицами более или менее с однородным составом по стажу, развитию, возрасту и состоянию здоровья, для чего установить требования, которым должны удовлетворять все без исключения принимаемые в академию; 3) Не принимать совершенно не служивших в армии; 4) Не имеющих годового командного и комиссарского стажа; 5) Не могущих совершенно по своему умственному развитию воспринимать курс академии; 6) Подлежащих увольнению по состоянию своего здоровья. Все это провести до начала нового учебного

№ 12. Сводка мнений профессоров В[оенной] академии о постановке учебного дела в академии (Там же. Л. 49–56).

года, не допуская из этого правила никаких исключений; 7) Подготовительный курс сократить, поручив администрации академии разработать основы организации этого курса и постановки учебной части; 8) Во главе В[оенной] академии необходимо иметь начальника и комиссара при нем; 9) В качестве начальника следует поставить крупного военного специалиста; 10) Комиссару, ответственнейшему партийному товарищу, дать двоих помощников; 11) Органы самодеятельности в академии лишить распределительно-административных функций; 12) Участие слушателей в организации учебной части через постоянно действующий учком признать нежелательными и не отвечающим учебному составу и требованиям академии; 13) Признать 100% удовлетворение В [оенной] академии всеми видами довольствия задачей первостепенной государственной важности.

VI. Что же касается слушателя М. А. Кручинского, то признать необходимым исключить его из партии, изъять его из академии Генштаба, отстранить от работы в Красной армии и лишить всех знаков отличия.

VII. Обратиться от имени ЦК к фракции академии со специальным письмом, соответствующим постановлению содержанием.

Члены комиссии: *А. Бубнов, А. Белобородов, А. Сольц*
1.VII.[19]22.

РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 127–132. Машинопись